

СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А.

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ ФИННО-ВОЛЖСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ
ОБЩНОСТЬ?

Существование финно-волжской общности как исторического этапа в процессе постепенного распада уральского праязыка является для некоторых исследователей финно-угорских языков своего рода аксиомой.

«Примерно 2500—3000 лет до н. э., — писал В. И. Лыткин, — от народа, говорившего на финно-угорском языке-основе, отделилась восточная ветвь, послужившая впоследствии базой для образования народов, говорящих на угорских языках, т. е. на венгерском, хантыйском и мансийском. Часть народа, оставшаяся после отделения угров, представляла продолжительное время языковое единство, так называемое пермско-финское единство.

Во II тыс. до н. э. из этого единства выделилась пермская ветвь — общие предки коми и удмуртов. Оставшаяся после отделения пермской ветви часть финно-угров составляла прибалтийско-финско-волжское, или волжско-финское, единство до тех пор, пока от этого единства не отделилась прибалтийско-финская ветвь. Окончательное разделение волжско-финского единства на две части — прибалтийско-финскую и волжскую — произошло задолго до нашей эры» [1, с. 24—25]. Подобные высказывания можно найти у многих авторов (см. [2—5] и др.).

Вместе с тем указывается, что «эпоха финно-волжской общности не была продолжительной (с 1500 г. до 1000 г. до н. э.), и связь относящихся к ней племен могла быть довольно слабой... Волжские финно-угорские языки — марийский и мордовские — не состоят в таком близком родстве друг с другом, как, например, пермские или обско-угорские языки... совместное проживание финно-волжских народных групп продолжалось очень короткое время и связь между ними могла быть очень слабой» [1, с. 52].

Возможное существование финно-волжской общности никто из финно-угроведов не отрицает. В некоторых работах высказывается сомнение по поводу существования так называемой волжской общности. При этом имеется в виду марийско-мордовская общность.

Так, например, венгерский ученый Я. Гуя заявляет: «Представляется более вероятным мнение о том, что древней волжской языковой общности не было, а мордовские и марийские языки — самостоятельные ветви финно-пермской языковой общности» [1, с. 37]. Мнение Я. Гуя полностью разделяет другой венгерский финно-угровед Г. Береци: «Мордовский и черемисский языки сильно отличаются друг от друга, о чем убедительно свидетельствуют исследования последних лет. В этих языках нет ни одной особенности, которая восходила бы ко времени совместного существования финно-волжских языков. Поэтому нет никаких причин для утверждения о существовании общего волжского языка-основы, из которого постепенно возникли черемисский и мордовский языки» [6].

Того же мнения придерживается и Д. Гено в статье «Замечания о мордовско-марийских грамматических совпадениях». «Сравнение общих морфологических и синтаксических черт в мордовских и марийском языках со сходными чертами других финно-угорских языков свидетельствует о том, что вопрос никак не касается типично „волжских“ явлений. Суффиксы генитива, аккузатива, инессива, иллатива в мордовских и марийском языках имеют соответствия, между прочим, в финском языке. Лично-притяжательные суффиксы — все финно-угорского происхождения.

Грамматическое выражение сравнительной степени прилагательных следует древнему финно-угорскому образцу. Имена числительные 1—9, 100 и 1000 показывают совпадения в различных финно-угорских языках, так же, как и личные (1 и 2 л. ед. и мн. ч.), указательные и вопросительные местоимения, глагольные личные окончания настоящего времени (1 и 2 л. ед. и мн. ч.), показатели прошедшего времени. Будущее время выражается сочетанием вспомогательного глагола со значением „начинать“ и инфинитива основного глагола, как, например, в венгерском языке» [7, с. 121].

Изучение проблемы финно-волжского единства требует особых методов исследования. Проблема эта действительно очень сложная. Однако методы, применяемые критиками этой гипотезы, также далеки от совершенства. Так, например, Д. Гено сравнивает притяжательные суффиксы в мордовском и марийском языках и делает отсюда вывод, что они имеют соответствие в родственных языках и не обнаруживают какой-либо особой волжской специфики [7, с. 117].

Действительно, в волжско-финских языках встречаются элементы, которые существуют и в других финно-угорских языках, но чисто формальное указание на их наличие в разных языках еще не означает, что сравниваемые элементы не имеют особой специфики.

Так, в мордовском и марийском языках имеются следы комитатива на *-ке* (*-ge*), ср. мар. *вож-ге* «с корнем», эрзя-морд. *кемзисемге* «семнадцать» (букв. «десять с семью»). У суф. *-ge* есть соответствие. Это суффикс комитатива *-код* в коми языке, ср. *ныв-код* «с девушкой». Специфика волжских языков состоит в том, что суф. *-ge* не имеет наращения *-д*. Мордовский суффикс многократных глаголов *-ле*, несомненно, генетически связан с коми-зырянским суффиксом многократных глаголов *-лы*, но их функции не совпадают полностью.

Финскому притяжательному суффиксу 3-го л. ед. и мн. числа *-nsa* соответствует в коми-зырянском языке притяжательный суффикс 3-го л. ед. и мн. числа *-ыс*. Однако эти два суффикса не имеют абсолютного формального и функционального тождества. Поэтому указание на формальное соответствие не может служить аргументом при попытке опровержения гипотезы о былом существовании финно-волжской языковой общности.

Сходный форматив нельзя рассматривать изолированно. Необходимо прежде всего установить, с какими специфическими особенностями конкретного языка он сочетается. Если он сочетается с признаками, не типичными для языков финно-волжской общности, то этот факт уже не может служить опровержением гипотезы о возможном существовании финно-волжской или волжской общности.

Вопрос о существовании волжской общности нам представляется целесообразным рассмотреть в связи с проблемой существования финно-волжской языковой общности.

Для изучения проблемы финно-волжского языкового единства требуется особый метод, который прежде всего должен исходить из предположения о том, что языки финно-волжской общности некогда имели какую-то общую территорию. На изолированных территориях могли возникнуть или разные языковые особенности, или сходные явления, имеющие характер случайных конвергенций. Наличие такой территории должно быть подтверждено или лингвистическими, или лингвистическими средствами (см. об этом ниже).

Для доказательства гипотезы о былом существовании финно-волжской языковой общности необходимо найти специфические изоглоссы, типичные для определенных языков, но не характерные для других языков данной семьи. В чем состоит специфичность этих изоглосс, можно пояснить на вполне конкретных примерах.

Для языков бывшей финно-волжской общности характерно наличие специального направительного падежа, так называемого латива на *-с*, ср. эрзя-морд. *кудо-с* «в дом».

Степень сохранности *с*-ового латива в современных прибалтийско-финских языках и в финно-угорских языках волжской группы разная. В современных прибалтийских языках *с*-овый латив можно считать исчез-

нувшим падежом. Как реликт он сохраняется в виде коаффикса в составе падежных показателей внутренне-местной серии, ср. фин. *talo-s-ta* «из дома», *talo-s-sa* «в доме» (<*talo-s-na*), эст. *raamatu-s* «в книге», *keldri-s* «в погребке», *küla-s-t* «из деревни» и т. д.

Остатки латива на -s в финском и эстонском представлены в некоторых наречиях, ср. фин. *ulo-s* «вон», *ala-s* «вниз», *ylö-s* «вверх», *minne-s* «до», эст. *alas-pidi* «вниз» и т. д.

В саамском языке обнаруживается сходное состояние. С-овый латив прослеживается в сложном по своему происхождению окончанию местного падежа на -st, например, *čaže-st* «в воде», *go-s-t* «где» и т. д., а также в отдельных наречиях, ср. норв.-саам. *vuola-s* «вниз», *vuosta-s* «против», *boja-s* «вверх» и т. д.

Несколько более употребителен с-овый латив в марийском языке, но и здесь он обнаруживает все признаки рецессивного падежа, ср. *Василий Иванович, газетым налын, диване-ш шинче* «Взяв газету, Василий Иванович сел на диван»; *Омса выштареш кок тёрза, когынекат кудвече-ш лектеш* «Напротив двери два окна, оба смотрят во двор» [8].

Окончание с-ового латива в виде коаффикса содержится в окончаниях некоторых марийских местных падежей, ср. мар. *чодра-ш-те* «в лесу», *чодра-ш-ке* «в лес» и т. д. Довольно часто встречается оно и в наречиях, ср. *поче-ш* «вслед за», *олме-ш* «вместо», *уэ-ш* «снова», *торе-ш* «поперек» и т. д.

В мордовских языках латив на -с, в отличие от марийского, употребляется довольно часто и регулярно. Ср. эрзя-морд. *Панызе айгоронть дикойстель-с* «Погнал он жеребца в дикую степь»; *Раг берег-с ветизи* «На берег Волги привел его» [9, с. 137].

В виде коаффикса окончание с-ового латива представлено в окончаниях некоторых местных падежей, ср. эрзя-морд. *кудо-с-о* «в доме» (<*кудо-с-но*), *кудо-с-то* «из дома» и т. д.

Обнаруживается с-овый латив также в наречиях, ср. эрзя-морд. *ланг-с* «на (что-нибудь)», *од-с* «заново», *мей-с* «зачем» и т. д.

Самостоятельное появление с-ового латива в вышеуказанных языках маловероятно. Он мог возникнуть в эпоху финно-волжской языковой общности. Во всех других уральских языках с-овый латив отсутствует. Так же маловероятно самостоятельное использование с-ового латива в роли коаффикса. Это явление может быть отнесено к эпохе финно-волжской языковой общности.

По сравнению с другими уральскими языками родительный падеж является наиболее оформленным падежом. Как известно, в пермских языках родительный падеж не получил полного распространения. Он не употребляется в тех случаях, когда определяемое им имя существительное выступает в роли прямого дополнения. Здесь он регулярно заменяется отложительным падежом, ср. *Ме аддзыл дядьмысь писё* «Я видел сына дяди». Все это свидетельствует о том, что родительный падеж в пермских языках возник относительно поздно. Любопытно заметить, что он никогда не выступает в послеложных конструкциях, ср. коми-зыр. *керка гё-гёрын* «около дома», *во чёж* «в течение года» и т. д.

В обско-угорских языках родительный падеж полностью отсутствует, ср. манс. *jā wat* «берег реки», хант. *johan xonə* (букв. «река берег»).

В языках, некогда принадлежавших к финно-волжской общности, родительный падеж может выступать в послеложных конструкциях, ср. фин. *kuoleman jälkeen* «после смерти», *pään päällä* «над головой», эрзя-морд. *пильгень ало* «под ногами», луг. мар. *мыйн верч* «из-за меня» [10, I]. То же явление наблюдается и в саамском языке.

В языках, входивших в финно-волжскую общность, имена существительные с притяжательными суффиксами не имели особой формы родительного падежа, что отражается и в современных языках, ср. фин. *aikamme sankari* «герой нашего времени», норв.-саам. *ak'kum* «моей бабушки», *ak'kud* «твоей бабушки» и т. д.

Аналогичное явление наблюдается в эрзя-мордовском языке, ср. *кудом* «моего дома», *кудот* «твоего дома», *кудонзо* «его дома».

Показатели наклона в языках финно-волжской группы не отличаются единообразием. Тем не менее можно утверждать, что в глубокой древности в этих языках существовало наклонение с показателем *-ne*. Так, в марийском языке оно представлено желательным наклонением с суф. *-ne*, ср. луг. мар. *толнем* «хочу (намерен прийти)», *толнет* «хочешь (намерен прийти)» и т. д., в финском — вероятным наклонением, имеющим тот же показатель, ср. *sanojen* «возможно, я скажу», *sanojet* «возможно, ты скажешь» и т. д.

Наклонение с показателем *-ne* когда-то существовало и в мордовском языке. Древнее условное (или условно-вероятное) наклонение с суф. *-na*, *-ne* спорадически встречается только в отдельных диалектах эрзянского языка, например, *mol'n'än'ät* «если ты пойдешь», *raman'esa* «если я куплю» [11, с. 317].

Это наклонение существует также в диалектах саамского языка. Вероятное наклонение в восточном диалекте саамского языка имеет показатель *-n-*, ср. *korč-ne(m)* «возможно, собираю», *korč-n-eh* «возможно, соберешь» и т. д. [11, с. 237].

С большой долей вероятности можно предполагать наличие в языках финно-волжской общности коэфф. *-л-* в окончаниях некоторых местных падежей.

Коэфф. *-л-* имеется во всех прибалтийско-финских языках, ср. фин. *pellon-l-ta* «с поля», карел. *lambah-l-da* «от овец», веп. *kala-l-e* «рыбе», вод. *kala-l-ta* «от рыбы», эст. *lambade-l-t* «от овец» и т. д.

*Л-*овый коэффикс имеется также в марийском языке, ср. *ял-л-ан* «к деревне». В настоящее время он фактически существует в дательном падеже, но в прошлом имел более широкое распространение.

В саамском языке коэфф. *-л-* исчез, но его реликты сохраняются в некоторых наречных формах, ср. норв.-саам. *vuol-de* «от», *baje-l-d* «сверху», *olgo-l-d* «снаружи», *siske-l-d* «изнутри», *vuole-l-d* «снизу» и т. д.

В мордовских языках *л-*овый коэффикс сохраняется в виде реликта только в некоторых наречных образованиях, ср. эрзя-морд. *удало* «позади» (<*удāl-на*), *vasolo* «далеко» (<*vaso-l-no*) и т. д.

Для того чтобы получить представление о состоянии языков, некогда входивших в финно-волжскую общность, можно использовать дедуктивный метод. Вывод о характере этого состояния может быть сделан на основании изучения данных современных языков.

Так, например, можно предполагать, что в языках, входивших в финно-волжскую общность, показателем мн. числа был суф. *-m*, ср. эрзя-морд. *кудо* «дом» — мн. ч. *кудом*, фин. *talo* «дом» — мн. ч. *talot*, др.-мар. *чодра* «лес» — мн. ч. *чодрат* и т. д. Исключение в этом отношении представляет саамский язык, где в роли суффикса мн. числа выступает *-k*. Следы этого суффикса имеются и в южно-эстонском диалекте.

Необходимо решительно отказаться от наивного представления об изоглоссах, характерных для языковой общности. В среде многих лингвистов распространено мнение, будто бы специфическая изоглосса должна охватывать все языки данной общности, в противном случае она не будет доказана.

Здесь важно, чтобы специфическая изоглосса охватывала абсолютное большинство языков, входящих в общность. Следует также иметь в виду, что общая изоглосса никогда не имеет одного уровня. Общая изоглосса имеет зону сгущения, наряду с которой существуют зоны затухания или менее интенсивного распространения данного явления. Например, коэфф. *-л-* в составе окончаний некоторых местных падежей наибольшее распространение получил в прибалтийско-финских языках. В марийском он распространен меньше, а в мордовских и саамском языках практически исчез и сохраняется только в реликтовом виде.

Основа слова в уральском праязыке в абсолютно преобладающем числе была двусложной. Благодаря интенсивно происходившим процессам разрушения конца слов во многих уральских языках древние формы именительного падежа подверглись значительным изменениям.

Особенно характерными эти изменения являются для таких языков, как обско-угорские и в известной степени марийский. Можно предпола-

гать, что в языках финно-волжской языковой общности основа слова оставалась двусложной. Двусложная основа слова сохраняется в финском и саамском языках, ср. фин. *kuusi*, саам. *guossâ* «ель», фин. *puoli*, норв.-саам. *puolla* «стрела», фин. *uusi* ~ *uute*, норв.-саам. *odda* «новый» и т. д.

Немало случаев сохранения древней двусложной основы встречается и в мордовских языках, ср. эрзя-морд. *pire*, мокша-морд. *perя* «огород, усадьба», фин. *piiri* «круг», норв.-саам. *birrá* «около», эрзя-морд. *piзэ*, мокша-морд. *piза*, фин. *pesä*, норв.-саам. *baesse* ~ *baese* «гнездо»; эрзя-морд. *кеньже*, мокша-морд. *кеньжя*, фин. *kynsi* ~ *kynte*, норв.-саам. *gazzá*, луг. мар. *күж*, удм. *гыжы*, коми-зыр. *гыж* «ноготь»; эрзя-морд. *сельме*, мокша-морд. *сельме*, фин. *silmä*, норв.-саам. *čal'bme* ~ *čal'me*, коми-зыр. *син* «глаз»; эрзя-морд. *теле*, мокша-морд. *тяла*, коми-зыр. *тол*, *тбв*, мар. *тел*, удм. *тол*, фин. *talvi* «зима»; эрзя-морд. *сюла*, мокша-морд. *сюла*, фин. *suoli*, норв.-саам. *čoaalle* ~ *čoaie*, коми-зыр. *сюл*, хант. *сол*, *сyt* «кишка».

Конечный гласный основы в мордовских языках может исчезать, оставляя после себя след в виде заканчивающего слово палатализованного согласного, ср. эрзя и мокша-морд. *ведь*, фин. *vesi* ~ *vete*, мар. *вүд*, манс. *vit*, коми-зыр. *ва* «вода»; эрзя-морд. *кедь*, мокша-морд. *кядь*, фин. *käsi* ~ *käte*, саам. *giettä* ~ *gieda*, мар. *кид*, коми-зыр. и удм. *ки*, венг. *kéz* «рука».

И лишь в более редких случаях в мордовских языках конечный гласный исчезает бесследно, ср. эрзя-морд. и мокша-морд. *од*, фин. *uusi* ~ *uute*, норв.-саам. *odda* «новый» и т. д.

Конечные гласные древних падежных суффиксов в языках финно-волжской общности, по-видимому, сохранялись, ср. эрзя-морд. *лей-га* «по реке», луг. мар. *олаш-ке* «в город», мар. *вел-ке* «в сторону», *ончы-ко* «вперед», саам. *ik-ko* «ночью» и т. д. Здесь сохранилась гласная окончания древнего латива на *-ка*. В фин. *kauka-na* «далеко», *koto-na* «дома», *alla* «под» (< *alna*), эрзя-морд. *кизна* «летом» и мар. *ончыл-но* «впереди» также сохраняется конечный гласный окончания. Вряд ли приходится сомневаться в том, что эти явления отражают состояние языков финно-волжской общности.

В языках финно-волжской общности, по-видимому, не было специальных показателей залогов. Возникшие позднее показатели залогов, например, в саамском, мордовском и марийском, не обнаруживают единого пути образования.

В языках финно-волжской общности не было чередования ступеней. Это явление представлено главным образом в прибалтийско-финских языках (и то не во всех) и в саамском. Мордовские языки и марийский не обнаруживают никаких следов чередования ступеней. |

В этих же языках не было аналитических будущих и прошедших времен. Существующие в современном саамском, мордовском, марийском и прибалтийско-финских языках времена этого типа обнаруживают явно позднее происхождение.

Вряд ли существовало в языках финно-волжской общности объектное спряжение. Оно в настоящее время имеется в мордовских языках. Были попытки обнаружить его следы в саамском языке. М. Корхонен, ссылаясь на мнение А. Несхейма и П. Равилы, считает, что различие в спряжении презенса и имперфекта в саамском языке отражает прежнюю дифференциацию субъектного и объектного спряжений [12].

Все это маловероятно. Появление объектного спряжения в мордовских языках можно объяснить по-иному.

В языках, входивших в финно-волжскую общность, некогда было распространено *н*-овое причастие, ср. марийские формы деепричастий типа *налын* «взяв», *возын* «написав», которые в прошлом были причастиями и означали «взявший, написавший».

Так называемое *н*-овое причастие когда-то было распространено в мордовских языках, ср. мокша-морд. *кундань нармунь* «пойманная птица», *пекстань орта* «запертые ворота» и т. д. Причастия этого типа характерны также для прибалтийско-финских языков, ср. финские причастные фор-

мы типа *ottanut* «взявший», где причастный суф. *-n* соединен с суф. *-t*, ср. также саамские диалектные формы типа *bargan* «работавший», *boat-ten* «пришедший» и т. д.

Саамский язык дает возможность реконструировать систему притяжательных суффиксов мн. числа, типичную для эпохи финно-волжской языковой общности: 1-е л. *-mek*, 2-е л. *-tek*, 3-е л. *se(k)*, ср. норв.-саам. *akku-mek* «наша бабушка», *akku-dek* «ваша бабушка», *akku-sek* «их бабушка». Данные финского, марийского и мордовских языков позволяют установить, что эти архаические суффиксы могли еще иметь суф. *-n*, указывающий на количество обладаемых, т. е. 1-е л. *-nmek*, 2-е л. *-ntek*, 3-е л. *-nse(k)*.

Таким образом, для выявления состояния какой-либо языковой общности может быть применен обычный сравнительно-исторический метод.

В языках финно-волжской общности показатель мн. числа *-m* выступал, по-видимому, очень нерегулярно. Авторы книги «Современный марийский язык» отмечают, что формы мн. числа имен существительных в марийском языке употребляются в сравнении с другими как родственными (финским, мордовскими), так и неродственными языками (русским, немецким) редко.

В марийском языке встречаются случаи, когда мн. число существительных вообще ничем не выражено, например, *Изи кайык чашкерлаште шергылтарен муралта* «Маленькие птички звонко поют в чаше». Вместо ожидаемого *изи кайык-влак* в данном случае употреблена форма ед. числа *изи кайык*.

В мордовских языках в так называемом основном склонении показатель мн. числа не употребляется, ср. эрзя-морд. *лейсэ* «в реке» и «в реках», *кудосо* «в доме» и «в домах».

В период финно-волжской общности не было суффикса сравнительной степени, поскольку в современных языках, некогда принадлежавших к данной общности, он выражается разными способами, ср. фин. *nuori* «молодой», *nuoretä* «моложе», эрзя-морд. *лембе* «теплый», *седе лембе* «теплее», луг. мар. *тура* «крутой», *турараж* «круче».

Вероятнее всего она выражалась сочетанием формы прилагательного в исходном падеже с именем существительным, ср. эрзя-морд. *чиде валдо* «светлее солнца», мар. *Юл эгер Какшан эгер деч келге* «Река Волга длиннее и шире реки Кокшаги».

С полной уверенностью можно сказать, что в языках финно-волжской общности отрицание при глаголе выражалось формами специального отрицательного глагола. Исчезновение этих форм в эстонском и частичное исчезновение в мордовских языках — явно позднее явление.

Названия десятков в языках финно-волжской общности образовались по определенной формуле: единица первого десятка + десять. Отчасти это сохранилось и в прибалтийско-финских языках, ср. фин. *kaksikymmentä* «двадцать», *kolmekymmentä* «тридцать», *neljäkymmentä* «сорок», эст. *kakskümmend* «двадцать», *kolmkümmend* «тридцать», луг. мар. *кум-ло* «тридцать», *ныл-ле* «сорок», *вип-ле* «пятьдесят», *куд-ло* «шестьдесят», мокша-морд. *нильгемьень* «сорок», *сизьгемьень* «семьдесят» и т. д. Единственное исключение из этого правила в мордовском — числительное *комсь* «двадцать». В саамском языке: *guok'tě-loge* «двадцать» (два десять), *guolb'mā-loge* «тридцать» (три десять), *vit'tā-loge* «пятьдесят» (пять десять) и т. д.

Особенность финно-волжских языков состоит в том, что в них отсутствуют названия десятков, типичные для пермских и обско-угорских языков, ср. коми-зыр. *ветымын* «пятьдесят», *квайтымын* «шестьдесят», *нелямын* «сорок», манс. *хус* «двадцать», *ват* «тридцать», *налиман* «сорок», *атпан* «пятьдесят», *хотпан* «шестьдесят», венг. *ötven* «пятьдесят».

Суф. *-ne-* в некоторых языках финно-волжской общности обозначает у глаголов постепенное накопление какого-либо качества, ср. фин. *kove-ne-* «делаться тверже», *lämpe-ne-* «согреться», вепс. *hoik-ne-* «становиться тонким», *sage-ne-* «густеть» и т. п., эст. *vana-ne-* «стареть» и т. д. Для пермских и обско-угорских языков этот суффикс нетипичен. Поэтому его можно считать достоянием языков финно-волжской языковой общности.

Можно предполагать, что в языках данной языковой общности не было падежа партитива, типичного для современных прибалтийско-финских языков.

С полной уверенностью можно утверждать, что в языках финно-вожжской языковой общности было представлено два типа прошедшего времени — прош. время на *-s'* и прош. время на *-j*, ср. мар. *ыле* «он был» и *возыи* «он написал», эрзя-морд. *ловнынъ* «я читал» и *видсь* «он сеял».

Следы *s'*-ового прош. времени также обнаруживаются в прибалтийско-финских языках, ср. эст. диал. *esin anna* «я не дал», *esin anna* «ты не дал», лив. *iz ānda* «ты не дал».

В языках финно-вожжской общности в склонении личных местоимений притяжательные суффиксы не участвовали, ср. коми-зыр. *меным* «мне», хант. *манэм* «мне».

Гласные первого слога уральского праязыка в языке финно-вожжской общности не подвергались существенным изменениям. ЛабIALIZация этих гласных в марийском языке — вторичное явление.

Островные изоглоссы

Для современных финно-угорских языков, некогда входивших в финно-вожжскую языковую общность, более характерны островные изоглоссы, свойственные только некоторым языкам, но далеко не всем. Объяснение природы этих изоглосс связано с большими трудностями. Возможно, что островные изоглоссы — это остатки некогда более широких изоглосс, свойственных всем языкам вожжско-финской общности. Не исключено также и то, что при распаде вожжско-финской общности образовались более мелкие группы и одинаковые изоглоссы образовались в пределах этих более мелких групп.

Марийско-мордовские общие изоглоссы

Марийский и мордовские языки связывает некоторое количество общих слов, ср.: мар. *ава* «мать», эрзя-морд. *ава* «женщина, мать»; мар. *муро*, эрзя-морд. *муро* «песня»; мар. *кочкаш* «есть», эрзя-морд. *кочкамс* «выбирать»; мар. *кушташ*, эрзя-морд. *киштежс* «плясать»; мар. *ший*, эрзя-морд. *сия* «серебро»; мар. *тошто*, эрзя-морд. *ташто* «старый»; мар. *понго*, эрзя-морд. *панго* «гриб» и т. д.

Личные глагольные окончания 1-го и 2-го л. мн. числа в марийском и эрзя-мордовском языках образуют определенное сходство, ср. мар. *налы-на* «мы берем», *налы-да* «вы берете», эрзя-морд. *ловнота-но* «мы читаем», *ловнота-до* «вы читаете».

Притяжательный суффикс 3-го л. мн. числа в марийском и мордовском языках содержит одинаковые составные части. Этот суффикс имеет в ед. числе полногласную форму, а во мн. числе он употребляется без гласного, ср. мар. *пӧрт-шӧ* «его дом», но *пӧрты-ш-т* «их дома», эрзя-морд. *кудо-зо* «их дом», но *кудо-с-т* «их дома».

В формах мн. числа притяжательный суффикс представлен формантом *с* (в марийском *с* перешло в *ш*), к которому прибавлено окончание мн. числа *-т*.

Марийский язык объединяет с мордовским сходство в образовании указательных местоимений, состоящих из нескольких основ, ср. мар. *ти-де* «этот», *се-де*, *со-де* «тот». *Ти-де* состоит из местоименной основы *ти-* (более древняя форма *те-*), к которой прибавлен усилительный суф. *-де* местоименного происхождения. То же самое имеет место и в мордовском языке, ср. эрзя-морд. *се-те* «тот», составленное из двух местоименных основ *се-* и *те*. Полной аналогией эрзя-морд. *се-те* «того» является мар. *се-де*.

В марийском языке существует деепричастие на *-меке*, например, *кочкаш* «есть», *кочкеке* «поев», *мураш* «петь», *мурымеке* «попев».

Сходное по звучанию деепричастие на *-мок* встречается в мокша-мордовском языке, например: *сргоземок шабась аваргодсь* «проснувшись, ребенок заплакал» [9, с. 326].

В марийском и мордовском языках некогда существовал совместный падеж (комитатив) на *-ke(-ge)*, ср. мар. *вож-ге* «с корнем», *уло еш-ге* «всей семьей» и т. д. В мордовском языке этот суффикс обнаруживается в названиях числительных, ср. эрзя-морд. *кем-зисем-ге* «семнадцать», букв. «десять с семью».

В марийском и мордовском языках существует инфинитив, образованный на базе *s*-ового направительного падежа, ср. мар. *колташ* «посылать», *налаш* «брат», *ончыкташ* «показывать», *куржаш* «бегать», *шупиаш* «тащить» и эрзя-морд. *кодамс* «плести, ткать», *учомс* «ждать», *лоткамс* «остановиться», *оршамс* «одеваться».

В пермских и обско-угорских языках нет инфинитива, содержащего суффикс направительного падежа *-с*.

В отличие от пермских языков причастия с суф. *-ма* в марийском и мордовских языках имеют только пассивное значение ср. мар. *лудмо* «читаемый, прочитанный», *чийме* «одеваемый, одетый»; эрзя-морд. *вечкема ломань*, мокша-морд. *кельгома ломань* «любимый человек».

Такая же особенность наблюдается и в финском языке, например: *tekelemä* «сделанный», *ompelema* «спитый».

В некоторых формах повелительного наклонения в мордовских и марийских языках обнаруживается суффиксальный элемент *-с*.

Ед. число	Мн. число
Эрзя-мордовский язык	
3-е л. <i>корта-з-о</i> «пусть говорит»	<i>корта-с-т</i> «пусть говорят»
Мокша-мордовский язык	
1-е л. <i>кандо-з-ан</i> «пусть я несу»	<i>кандо-с-тама</i> «пусть мы несем»
3-е л. <i>кандо-з-а</i> «пусть он несет»	<i>кандо-с-т</i> «пусть они несут»
Марийский язык	
3-е л. <i>возы-ж-о</i> «пусть он пишет»	<i>возы-ш-т</i> «пусть они пишут».

Тот же суффиксальный элемент наблюдается и в саамском языке, ср. норв.-саам. *bottus* «пусть приходит», *bottusek* «пусть приходят».

Существуют попытки сравнения марийского суф. *-киш* с мордовским длительно-многократным суф. *-жи* в глаголах на *-кишо*, *-кише*, например: *кадокишномс* «останавливать» от *кадомс*; *теевкишемс* «делать часто» от *теевомс*. Это дает основание полагать, что в домарийское время суф. *-киш* имел многократно-длительное значение [10, II].

Общие изоглоссы мордовского и прибалтийско-финских языков

Сходных слов в мордовском и прибалтийско-финских языках содержится значительно больше, чем в марийском, ср. примеры в эрзя-мордовском и финском языках: эрзя-морд. *од* — фин. *uusi* ~ *uute* «новый», *кандомс* — *kantaa* «нести», *касомс* — *kasvaa* «расти», *кельме* «мороз, холод» — *kylmä* «холодный», *кель* — *kieli* «язык», *ков* — *kuu* «луна», *кодамс* — *kutoa* «плести, ткать», *кортнемс* «разговаривать» — *kertoa* «рассказывать», *кулямс* — *kuulla* «слышать», *лембе* — *lämpi* «теплый», *лишме* «лошадь» — *lehmä* «корова», *ловомс* — *lukea* «считать», *мель* «желание» — *mieli* «душа; мнение», *олет* — *olki* «солома», *оскс* «молитва» — *uskoa* «верить», *пезэмс* — *pestä* «мыть», *пель* — *puoli* «половина», *пиче* — *petäjä* «сосна», *пултамс* — *polttaa* «жечь», *салава* «тихо» — *sala* «тайна», *седей* — *sydän* «сердце», *сые* — *sumi* «туман», *сур* — *sormi* «палец», *сэвемс* — *syödä* «съесть», *сюлмо* — *solmu* «узел», *сюло* — *suoli* «кишка», *тев* — *työ* «дело», *теште* — *tähti* «звезда», *туво* — *sika* (<*tikä*) «свинья», *тумо* — *tammi* «дуб», *уемс* — *uuda* «плыть», *учомс* — *odottaa* «ждать», *эй* — *jää* «лед», *явомс* — *jakaa* «делить».

В мордовских и прибалтийско-финских языках есть особый падеж — транслатив, которого нет в других финно-угорских языках, ср. фин. *kalaksi* «превратиться в рыбу», кар. *kalakši*, вепс. *kalaks*, вод. *kalassi*, эст. *kalaks*; эрзя-морд. *тумокс* «превратиться в дуб», мокша-морд. *кевкс* «превратиться в камень» и т. д.

Суффикс желательного наклонения *-ксэ-* совпадает по форме с суффиксом условного наклонения *-кс-* в эстонском и ливском языках, ср. эрзя-морд. *морыксэлинь* «я хотел бы петь», мокша-морд. *сокалексолень* «я хотел бы пахать», эст. *kirjutaksin* «я написал бы», лив. *luguks* «я читал бы» и т. д.

В мордовских языках есть зачатки партитива, ср. эрзя-морд. *чайде симемс* «попить чаю». Суф. *-в-* в этих языках довольно полисемантичен:

1) образует глаголы со значением страдательного залога, например: эрз. и мокш. *кундамс* «поймать», эрз. *кунда-в-омс*, мокш. *кундавъмс* «быть пойманным»; эрз. *сокамс* «пахать», *сока-в-омс* «пахаться, вспахиваться»; *ло-в-омс* «считать», *лово-в-омс* «быть считааемым» и т. д.;

2) образует глаголы со значением возвратного залога, ср. эрз. *лазомс*, мокш. *лазъмс* «расколоть», эрз. *лазо-вомс*, мокш. *лазъ-в-ъмс* «расколоться»; эрз. *вачкодемс* «ударить», *вачкоде-в-емс* «удариться»; эрз. *томбамс* «ушибить», *томба-в-омс* «ушибиться», мокш. *токамс* «ушибить», *тока-в-ъмс* «ушибиться»;

3) выражает модальное значение возможности совершения действия, например, эрз. *модемс*, мокш. *молэмс* «идти», эрз. *моле-в-емс*, мокш. *моле-в-эмс* «быть в состоянии идти»; эрз. и мокш. *морамс* «петь», эрз. *мора-в-омс*, мокш. *мора-в-ъмс* «быть в состоянии петь». Подобные явления наблюдаются в саамском, а также в прибалтийско-финских языках, ср. суффикс пассива в норвежско-саамском *-juvvi-*, например: *čallujuvvut* «быть написанным». Глаголы, содержащие суф. *-и-*, могут иметь значение возвратного или страдательного залога, ср. фин. *valmistua* «готовиться», *tasoittua* «выравниваться» и т. д.

Общие изоглоссы саамского и финского языков

Саамский и финский языки связывает целый ряд общих слов, ср.: норв.-саам. *čál'bme*, фин. *silmä* «глаз», норв.-саам. *čoar've*, фин. *sarvi* «рог», норв.-саам. *dollâ*, фин. *tuli* «огонь», норв.-саам. *fanas*, фин. *vene* «лодка», норв.-саам. *jiedna*, фин. *jääni* «голос», норв.-саам. *giellâ*, фин. *kieli* «язык», норв.-саам. *aigot*, фин. *aikoa* «намереваться» и т. д.

Саамский связывает с финским сходное образование сравнительной степени. Суффиксом сравнительной степени в норвежско-саамском является *-b* у равносложных прилагательных и *-bbo* или *-b* после гласных в неравносложных прилагательных, ср. *bâha* «плохой», *bâhab* «хуже», *nuor-gâ-r* «молодой», *nuorab* «моложе» и т. д.

В саамском, как и в финском языке, показателем множественности в косвенных падежах является суф. *-i-*, ср. норв.-саам. *akšo-i-d* «топоров», *akšo-i-guim* «с топорами», фин. *talo-i-ssa* «в домах», *talo-i-lta* «от домов».

Числительные второго десятка от одиннадцати до девятнадцати образуются в финском языке из простых количественных числительных *yksi* «один», *kaksi* «два»... и партитивной формы порядкового числительного *toinen* «второй»: *yksitoista* «одиннадцать» (букв. «один второго»).

Точно такой же способ образования этих числительных существует и в норвежско-саамском языке, ср. *oktâ-nubbë-lokka* «одиннадцать» (букв. «один второго десятка»).

В саамском языке некогда существовал особый падеж партитив. В настоящее время он исчез, но его реликты прослеживаются довольно четко. В восточных диалектах саамского языка партитив употребляется только в ед. числе. Партитив мн. числа стал выполнять в саамском функцию винительного падежа мн. числа.

В словосочетаниях «числительное + существительное» в финском языке существительное употребляется в партитиве, ср. *kaksi kirjaa* «две книги». В саамском языке партитивом управляют числительные от семи и выше, ср. *k'iz'em paltsedde* «семь волков».

Окончание 1-го л. мн. ч. *-р* в саамском языке представляет собой рефлекс финно-угорского *-ra*, *-pä*, которое в финском нашло продолжение в 3-м л. ед. ч. *palaa* «горит» (< *palaa*).

Сослагательное наклонение (условное) характеризуется в саамском языке показателями *-ǰ-* или *-č-*, которые имеют соответствие в прибалтийских языках: *-isi-*, *-ssi-*.

Большинство саамских глагольных словообразовательных суффиксов является родственным соответствующим суффиксам прибалтийско-финских языков. Предполагают, что саамский и прибалтийско-финский языки происходят от одного языка-предка.

Общих изоглосс, связывающих марийский и финский языки, немного. Обращает внимание одинаковое оформление дательного падежа, ср. луг. мар. *йол-таш-лан* «товарищу», фин. *talo-lle* «дом» (<*talo-len*). Мало общих изоглосс и у мордовского языка с саамским. Все это подтверждает, что непосредственной близости у этих языков не было.

Выше уже говорилось о том, что решение проблемы былого существования финно-волжской общности тесно связано с определением территории, которую населяли народы, входившие в данную языковую общность. Такие попытки уже производились.

Д. Е. Казанцев, используя данные фитогеографии, пытался определить территориальные границы волжско-финской языковой общности: «В настоящее время можно определенно сказать, что она находилась в зоне распространения ясеня и осокоря (черного тополя), названия которых имеются в марийском (*ошко* „осокорь“) и мордовских (*уксо*, *укс* „ясень“) языках. Ареал ясеня, произрастающего к западу от р. Волги (далее следует ссылка на [13, с. 11—13].— *Примеч. ред.*) указывает на необходимость локализовать волжскую прародину на правобережье этой реки. Ее граница на юге, по всей вероятности, совпала с южной границей зоны распространения названной лиственной породы, которая проходит по среднему течению р. Свияги (в прибрежной части р. Волги от нижнего течения р. Свияги до г. Чебоксары обыкновенный ясень не встречается) до р. Суры. Восточная граница обыкновенного ясеня идет по р. Волге, поднимаясь от г. Чебоксары до г. Костромы. Полноводная русская река служила восточной границей волжской общности, которая не могла простираться, особенно на первых этапах, на ее левый берег.

Для определения северной границы территории расселения предков волжских народов существенное значение приобретает северная линия произрастания осокоря. Она выходит из г. Костромы и направляется в сторону г. Ярославля, откуда, круто поворачиваясь на юг, следует через г. Владимир до г. Рязани и далее идет на запад к государственной границе с ПНР [13, с. 29—30].

Западную границу волжской прародины невозможно установить на основании данных лингвистической палеонтологии. Основной опорой в данном случае может служить западный ареал топонимов с указанными выше мордовскими формантами, который охватывает восточные районы Рязанской и северные районы Тамбовской областей» [14, с. 99].

По мнению Д. Е. Казанцева, «очерченная территория волжской общности» первоначально «занимала среднее течение р. Оки и восточную часть Волго-Окского междуречья» [14, с. 99].

Предполагаемый порядок расположения диалектов финно-волжской языковой общности можно приблизительно установить, используя теорию волн И. Шмидта.

Все языки финно-волжской общности друг с другом связаны. Марийский язык имеет некоторые общие черты с пермскими языками.

Марийский и пермские языки связывает лексический слой, типичный для этих языков, например: коми-зыр. *пыж*, мар. *пуш* «лодка», коми-зыр. *тӧльсь*, мар. *тыльзе* «месяц», коми-зыр. *кузь*, удм. *кузь*, мар. *кужу* «длинный», коми-зыр. *вузавны*, удм. *вузаны*, мар. *ужалаш* «продавать», коми-зыр. *луйны*, мар. *луйи* «стрелять», удм. *пыртыны* «вводить», мар. *пурташ* «вносить» и т. д.

В марийском и пермских языках имеются некоторые сходные явления в области фонетики. Наиболее характерными особенностями пермских языков является превращение древнего *e* в *o* или *y*. В марийском языке этому процессу в известной степени соответствует огубление, ср. фин.

terä «острие», коми-зыр. *дор* «лезвие, ребро», мар. *tjр* «берег, край»; фин. *keri* «кора», коми-зыр. *кор* «луб, лубок», мар. *kjр* «кора», фин. *setä* «дядя», коми-зыр. *чож* «дядя, брат матери», мар. *чjчö* «дядя, младший брат матери».

Древние основы на гласный в марийском и пермских языках подвергались значительно большему разрушению, чем в мордовских языках, ср. мар. *kjч*, коми-зыр. *гыж*, но эрзя-морд. *кенже*, фин. *kynsi* «ноготь»; мар. *kj*, но эрзя-морд. *кев*, фин. *kivi* «камень», мар. *кум*, коми-зыр. *куим*, но эрзя-морд. *колмо*, фин. *kolme* «три».

В отличие от мордовских языков, в марийском языке в составе суффиксов некоторых местных падежей может присутствовать коэфф. *-л-*. Этот элемент имеется, например, в суффиксе дательного падежа *-лан* (ср. *екö-лан* «кому»), а также в суффиксах некогда существовавших в марийском языке падежей — направительного на *-ла* (ср. *кайык-ла* «подобно птице, как птица»; когда-то такая форма обозначала «по направлению к птице») и отложительного на *-леч* (ср. *jдырлеч* «от девушки»).

Интересно отметить, что суффикс дательного падежа *-лан* в марийском языке очень напоминает суффикс приблизительного падежа (аппроксиматива) в языке коми, ср. коми-зыр. *вöр-лань* «по направлению к лесу», а суффикс вымершего марийского направительного падежа *-ла* полностью совпадает с суффиксом достигательного падежа на *-ла* в языке коми.

Система прошедших времен в марийском языке обнаруживает большое типологическое сходство с системой прошедших времен пермских языков. Она включает четыре основных времени: прошедшее, перфект, плюсквамперфект и прошедшее длительное. В отличие от прибалтийско-финских и саамских языков, перфект в пермских и марийском не имеет вспомогательного глагола. Он также широко употребляется для выражения действия, не очевидного для говорящего.

В мордовских языках число черт, объединяющих их с языком коми, резко уменьшается. К ним относятся причастие на *-зь* типа эрзя-морд. *съяворезь* «свалившийся», коми-зыр. *ужась* «работающий», архаическое числительное *комсь* «тридцать» и т. д. В мордовских языках больше черт, объединяющих их с марийским. Наряду с этим усиливается число черт, сближающих их с прибалтийско-финскими языками, которых нет в марийском языке. В прибалтийско-финских языках есть особенности, присутствующие и мордовским языкам, но гораздо больше черт, объединяющих их с саамским языком.

Все это говорит о том, что языки, некогда входившие в финно-волжскую общность, не были сильно разобщены территориально, иначе волновая передача особенностей от одного языка к другому оказалась бы невозможной.

Выводы:

1. Языки саамский, прибалтийско-финские, мордовские и марийский связывает целый пучок специфических общих изоглосс, что свидетельствует о том, что они некогда входили в одну языковую общность.

2. Наличие так называемых островных изоглосс служит доказательством того, что после распада финно-волжской языковой общности образовывались более мелкие языковые общности.

3. Языки, входившие в финно-волжскую общность, не имели значительного территориального разобщения. Территория, занимаемая финно-волжскими народами, была вытянута в форме полудуги в горизонтальном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.
2. *Fromm H., Sadeniemi M.* Finnisches Elementarbuch. I. Grammatik. Heidelberg, 1956, S. 13, 14.
3. *Хакулаинен Л.* Развитие и структура финского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1953, с. 12.
4. *Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981, S. 26.

5. *Déczy G.* Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965, S. 4188.
6. *Bereczki G.* Cseremisz (mari) nyelvkonv. 2. kiad. Budapest, 1974, old. 5.
7. *Gheno D.* Megjegyzések a mordvin és a czeremisz közti grammatikai egyezésekről.— In: Nyelvtudományi közlemények, 83 kötet, 1 szám. Budapest 1981.
8. *Коведяева Е. И.* Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка.— В кн.: Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. М., 1978, с. 129.
9. Грамматика мордовских языков. Фонетика и морфология. Саранск, 1962.
10. *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола, 1964, с. 143; Ч. II. 1966, с. 177.
11. Основы финно-угорского языкознания. (Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки). М., 1975.
12. *Korhonen M.* Die Konjugation im Lappischen. Helsinki, 1967, S. 227.
13. *Кощеев А. Л.* Распространение и лесовидные свойства древесных пород и кустарников для полезащитных насаждений. М.— Л., 1950.
14. *Казанцев Д. Е.* К вопросу о месте и времени проникновения иранских слов в древнемарийский язык.— В кн.: Вопросы грамматики и лексикологии. Йошкар-Ола, 1980, с. 99.